

МӘДЕНИ МҰРА
ғылыми журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
научный журнал

CULTURAL HERITAGE
science journal

ISSN: 2708-3365

№ 4 (99)

Астана
2022

Редакциялық алқа:

Сыдыков А.Ж.	PhD докторы (Қазақстан), алқа төрағасы
Асанканов А.А.,	тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА корреспондент мүшесі (Қырғызстан)
Әбдуақап Қара,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Түркия)
Бороффка Н.,	археология докторы, профессор (Германия)
Бейсенов А.З.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Ибадуллаева З.Ө.,	тарих ғылымдарының кандидаты, доцент (Қазақстан)
Ибраева А.Г.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Ұлттық Жаратылыстану ғылымдары академиясының академигі (Қазақстан)
Қасенәлі А.Е.,	PhD докторы (Қазақстан)
Купаева А.Қ.,	PhD докторы (Қазақстан)
Қартаева Т.Е.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Малдыбаева Р.К.,	өнертану кандидаты (Қазақстан)
Мұқтар Ә.Қ.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Оңғар А.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Самашев З.С.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Төлеубаев Ә.Т.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Смағұлов О.С.,	ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы (Қазақстан)
Таймағамбетов Ж.Қ.,	ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Үмітқалиев Ұ.Ұ.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Шамильоглу Ю.,	Висконсин университетінің профессоры (АҚШ)

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Қажымас қайрат, қалтқысыз қызмет 4

ТҰЛҒА. ТАҒЫМ. ТАҒЫЛЫМ / ЛИЧНОСТЬ. ПРИЗНАНИЕ. ПОЧТЕНИЕ

Елеуов М.Е. Археология заңғары	16
Подушкин А.Н. Пытливый ум, неутомимый исследователь	18
Тоқтабай А.У. Тастарға тіл бітірген тарлан ...	23
Боковенко Н.А. Культура саков Восточного Казахстана: поиск истоков	26
Мұқтар Ә.К. Археолог З. Самашевтың ортағасырлық Сарайшықты зерттеуге қосқан үлесі	32
Ермолаева А.С. Мой сокурсник Зайнолла Самашев	42
Сайлаубай Е.Е. Ұлт тарихын түгендеуші тұлға ..	45

Мерц В.К. Короткие встречи на долгом пути ...	47
Табалдыев К.Ш. Зейнолла ағайыбыздың илимий эмгектерін дайым күтөбүз	50
Гасанов З.Г. Работа «Азербайджано-казахстанской международной археологической экспедиции» в 2019-2022 гг.	53
Омаров Ғ.К. Текті тұлға туралы толғаныс	59
Үмітқалиев Ұ.Ұ. Қазақ археологиясындағы мен таныған Зейнолла аға бейнесі	64

ФОТОШЕЖІРЕ / ФОТОГАЛЕРЕЯ 67

ҒАЛЫМНЫҢ ҒИБРАТТЫ ҒҰМЫРЫ / ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНЬ УЧЕНОГО

Самашев З.С. Көне дүние қойнауына саяхат ...	94
Самашев З.С. Қазақ Алтайындағы Берел ескерткіші	96
Самашев З.С. Вопросы археологии раннего железного века Казахстана	112
Самашев З.С. Тарбағатай петроглифтері. Шимайлы	127
Самашев З.С. Изобразительная деятельность в эпоху средневековья	138
Самашев З.С. Петроглифтерді зерттеудің кейбір әдістері	149

Indefatigable Will, Unwavering Service 4

PERSONALITY. CONFESSION. HONOR

Eleuov M.E. Patriarch of archeology	16
Podushkin A.N. An inquisitive mind, a tireless explorer	18
Toktabay A.U. A word about contemporary	23
Bokovenko N.A. The saka culture of Eastern Kazakhstan: a search for the origins	26
Muktar A.K. The contribution of archaeologist Z. Samashev to the study of the medieval Sarayshik	32
Ermolayeva A.S. My classmate Zaynolla Samashev ..	42

Sailaubay E.E. A person who studies the history of the nation	45
Merz V.K. Short meetings on a long journey	47
Tabaldiyev K.Sh. We always look forward to the scientific works of Zeynolla agai	50
Gasanov Z.G. The work of the «Azerbaijan-Kazakhstan International Archaeological Expedition» in 2019-2022	53
Omarov G.K. A word about a noble person	59
Umitkaliyev U.U. The image of Zeynolla aga in Kazakh archeology	64

PHOTOGALLERY 67

DIGNIFIED LIFE OF A SCIENTIST

Samashev Z.S. Journey into the depths of the ancient world	94
Samashev Z.S. Berel site of the Kazakh Altai ...	96
Samashev Z.S. Issues of archeology of Early Iron Age Kazakhstan	112
Samashev Z.S. Petroglyphs of Tarbagatay. Shimayly	127
Samashev Z.S. Fine activity in the Middle Ages ...	138
Samashev Z.S. Some methods of studying petroglyphs	149

Самашев З.С.

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА

Статья рассматривает вопросы хронологической неопределенности начального этапа и завершающей стадии эпохи ранних кочевников, проблемы антропологического состава и тюркоязычности части населения изучаемой эпохи, а также вопросы методологии археологического поиска. Автор останавливается на обозначении некоторых проблем, которые затрагивают перечисленные вопросы.

В фокусе повествования становление и трансформация культур раннего железного века в казахских степях, анализ материалов по изучаемой теме, анализ и синхронизация памятников начального этапа эпохи ранних кочевников, происходящих из разных регионов страны.

Ключевые слова: археология, железный век, Казахстан, памятник, археологический комплекс.

Исследование проблем становления и трансформации культур раннего железного века в казахских степях затрагивает ряд узловых вопросов «скифо-сарматской» археологии Евразии в целом и ее методико-методологических принципов, которые существуют в науке на протяжении многих лет. Это относится, в частности, к проблеме происхождения и формирования комплекса скотоводческих (всаднических) культур и взаимоотношений их носителей с населением оседло-земледельческих областей, т. е. к формам и способу их контактов с параллельными цивилизациями; к вопросам изучения природы и сущности кочевого скотоводства и его механизмов адаптации к различным природно-экологическим нишам; к становлению общественно-политических и социальных институтов под воздействием новых факторов, особенно на завершающем этапе этой исторической эпохи.

В результате активных поисков в разных регионах страны сейчас накоплен

археологический материал с огромным информационным потенциалом, который позволяет в совокупности с ранее известными источниками разрабатывать многие проблемы науки в соответствии с реалиями XXI в. и потребностями новой парадигмы национально-государственного и общественного сознания.

Одной из научных задач является анализ и осмысление на основе археологического материала культурно-исторических процессов в древности и средневековье в контексте проблем преемственности. Необходимость такого подхода декларируется уже давно, но из-за несовершенства методологии научного поиска пока не удается добиться желаемого, что нередко порождает мифологизированные представления о древнейших эпохах, особенно со стороны людей, не владеющих системными знаниями в области археологии.

Ход истории во многих ситуациях воспринимается как непрерывный и поступательный процесс. В то же время на некоторых этапах развития древних

обществ в силу природных катаклизмов или неблагоприятных военно-политических и социально-экономических условий происходили процессы, которые приводили к деградации, распаду или даже исчезновению целых этносов – носителей определенных языковых, культурно-хозяйственных традиций, к потере территории, технологических навыков и т. д. В методическом плане учет таких факторов при исторических реконструкциях, естественно, необходим.

Также очевидно, что предстоит нелегкая работа по источниковедческому анализу, систематизации и осмыслению неоднородного по степени фиксации и документирования археологического материала.

Письменные источники, которые активно используются при различных реконструкциях, особенно в этнических атрибуциях археологических комплексов, отрывочны и во многих случаях сами становятся объектами отвлеченных научно-аналитических исследований, требуют установления объективности и достоверности, а также критического анализа упоминаемых в них сведений. Тем не менее письменные свидетельства древних авторов об образе жизни и ареале различных племен и народов, живших в середине – конце I тыс. до н. э., оказываются весьма ценными.

Многие понятия, этнонимы и научные термины могут быть восприняты и использованы исследователями по-разному. К примеру, древнеперсидский этноним «saka» относился к племенам, обитавшим в бассейне Средней и Нижней Сырдарьи и в южной части пространства Арало-Каспийского междуморья. Однако он используется в качестве собирательного названия различных народов, обитавших на огромной территории современного Казахстана, даже тогда, когда в различных письменных текстах упоминаются имена собственные совершенно других групп племен. В некоторых случаях используются сочетания «скифо-сакское», «сако-массагетское» и др., что в принципе допустимо, но с определенными оговорками: в термин не вкладывается этническое содержание, и он применяется как обозначение (или маркер) исторического периода (Боковенко, 2011: 92-95).

Термин «ранние кочевники», введенный М.П. Грязновым еще в 1939 г. (Черников, 1960:

17-21), считается устаревшим, однако он в ряде случаев так же, как и термин «древние кочевники» (Литвинский, 1972; Грач, 1980: 5-6), используется как равноценный понятиям «скифское», «скифо-сарматское» или «сакское время», без придания ему этнической окраски.

Понятия «культурно-историческая область» и «культурно-хронологический горизонт», введенные в научный оборот в последнее время (Яблонский, 2012: 370-392), также требуют всестороннего анализа. Множество таких примеров свидетельствует о существовании проблемы с использованием в научных разработках различных понятий и терминов, следовательно, задачи их унификации.

В основе многих научных изысканий (особенно хронологической и этнокультурной атрибуции) по раннему железному веку все еще лежит анализ материалов, происходящих преимущественно из погребально-поминальных памятников, что, естественно, не может охватить все разнообразие явлений в системе жизнедеятельности древнего населения, в том числе и народов, у которых в экономике превалировало скотоводческое направление. Для комплексного решения вопросов, связанных с формированием и развитием культурного комплекса древних кочевников, необходимо развивать и направления по изучению оседло-земледельческих поселений, городов, горного дела и металлургии, культовых объектов, средств коммуникаций, памятников наскального искусства и т. д.

Возможности использования достижений естественных наук для решения проблем археологии сейчас стали гораздо шире, чем десятилетия назад, поэтому исследования на междисциплинарном уровне существенно повышают эффективность получаемых результатов и степень достоверности научно-теоретических выводов. Однако надо признать, что использование материалов по антропологии в историко-культурных исследованиях до сих пор остается уязвимым местом казахстанской археологии.

Принято считать, что к началу I тыс. до н. э. в Евразии в основном завершается период, именуемый в археологии бронзовым веком, и наступает ранний железный век, продолжавшийся, по нынешним представлениям, до III-IV вв. н. э.

Естественно, переход в разных природно-климатических зонах происходил по-разному как по протяженности во времени, так и по социально-экономическим, технологическим и другим характеристикам. Так, например, «позднебронзовая культурная традиция в трансформированном виде существует в лесостепном Алтайском Приобье вплоть до VI в. до н. э.» (Папин, 2003: 341). Таких примеров немало.

Ранний железный век Евразии (IX в. до н. э. – IV в. н. э.) нередко и вполне справедливо называют эпохой всадничества, которая надолго определила взаимоотношения кочевников-степняков с их соседями, в особенности с оседло-земледельческим населением лесостепи и среднеазиатских государств, а также Ахеменидского и древнекитайских царств.

Сравнительно широкая распространенность железных руд на пространстве Евразии позволила железу постепенно завоевать популярность и стать основным материалом, используемым во многих сферах жизнедеятельности кочевого общества. Однако нужно иметь в виду, что «массовое производство» продукции из бронзы, как отмечал в свое время К.А. Акишев, как парадоксальное явление бурно развивается в сакское время (Акишев, 1959: 204). На это обращали внимание и другие исследователи (Грач, 1980: 6). Это относится к художественной бронзе кочевнических культур (предметы конского снаряжения, оружие, культовые предметы и др.), расцвет и широкое распространение которых были особенно заметны в первой половине – середине I тыс. до н. э.

О развитой и яркой культуре эпохи древнего всадничества изучаемого региона свидетельствуют многочисленные материализованные остатки жизнедеятельности людей (погребально-поминальные сооружения, содержащие различные предметы культового назначения, оружие и утварь; святилища, сезонные стойбища и поселения, хозяйственные сооружения, памятники изобразительного искусства, вещи утилитарного назначения и многое другое) и письменные источники (античные, персидские, китайские и др.).

Имея в виду, что любые этносоциокультурные процессы и явления, а также структуры общественно-хозяйственных

систем проходят фазы возникновения, активного развития и трансформации, соответственно можно выделить три последовательных этапа в развитии древнекочевнического культурного комплекса с переходными (промежуточными) периодами:

- *ранний* – IX–VII вв. до н. э.;
- *развитый* (савромато-сакский) – VII–V вв. до н. э.;
- *поздний* (сарматско-юечжиский, дахо-массагетский) – IV в. до н. э. – III–IV вв. н. э.

Анализ материалов раннего периода становления кочевнического культурного комплекса также затрагивает множество проблем теоретико-методологического характера и вопросов археологической процедуры: типологии, классификации, хронологической и этнокультурной атрибуции.

Вопросы трансформации археологических культур в конце II – начале I тыс. до н. э. и соотношение карасукской, бегазы-дандыбаевской и других культур финального этапа бронзового века с новым хозяйственно-культурным типом кочевников разрабатывались многими исследователями. Например, у погребальных сооружений и вещевого комплекса Северного Тагискаена прослеживаются явные связи с памятниками эпохи поздней бронзы Приаралья (Вишневская, 1973). Такие признаки наблюдаются в ряде памятников Восточного и Центрального Казахстана, а также Жетысу.

Еще в бронзовом веке в пределах одной историко-культурной и хозяйственной зоны были группы населения, которые в силу каких-то причин (природных или социально-экономических) находились на стадии полuosедлости или уже вели полноценный кочевой образ жизни. Подобные возможности должны быть учтены при исследовании феномена сложения кочевого скотоводства и раннекочевнического культурного комплекса.

Отметим, что принцип типологии и классификации кочевнических древностей, разработанный М.П. Грязновым еще в 30–40-е гг. прошлого века, с учетом новых материалов используется многими исследователями практически до сих пор.

Попробуем ниже произвести анализ и синхронизацию памятников начального этапа эпохи ранних кочевников, происходящих из разных регионов страны, по таким

классификационным показателям, как погребально-поминальные сооружения, вещевой комплекс и др.

Казахский Алтай. Начнем с Восточного Казахстана (данное понятие используется нами как равнозначное к географической номенклатуре «Казахский Алтай») – одного из узловых историко-культурных регионов в Центральной Азии, где еще в бронзовом веке были мощные материальные и технологические предпосылки для развития ранних скотоводческих культур. «Культурный горизонт», или «культурно-хронологический пласт», IX-VII вв. до н. э. в регионе характеризуется такими яркими памятниками, как Зевакино, Курту, Измайловка, Майемер, Шиликты, Кондратьевка XXI и некоторыми случайными находками (Арсланова, 1974: 77-83; Алехин, 2011: 83-87).

К раннесакскому культурному комплексу относятся в Восточном Казахстане материалы могильников Зевакино, Курук и Измайловка,

группа наскальных изображений, а также случайные находки в Камышинке, среди которых зафиксированы изображение свернувшегося в кольцо кошачьего хищника и фигурная головка орла (Арсланова, 1974: 77-83).

Материалы Зевакинского погребального комплекса, которые были отнесены к VIII-VII вв. до н. э. (Арсланова, 1974: 46-60), исследователями привлекались для обоснования нижней границы скифо-сибирских древностей (Грязнов, 1980). Данная группа памятников Зевакинского могильника рассматривается также и как памятник переходного периода (Ермолаева, 2008: 84; 2008: 319-320).

Измайловский археологический комплекс на Иртыше включает объекты, которые относят к переходному периоду, в сопроводительном инвентаре наблюдаются дериваты бегазы-дандыбайской культуры, а в конструкции погребальных сооружений и в ритуалистике – новые черты, получившие развитие в эпоху ранних кочевников (Ермолаева, 2008: 84-85).

Поселение саков в Акбауыр

Settlement of the Sakas in Akbauyr

Могильник Курту II в верхних р. Бухтармы на сегодняшний день считается одним из наиболее ранних в Казахстане памятников изучаемой эпохи. На основе типологического анализа трехдырчатые роговые псалыи архаического облика, обнаруженные в погребении человека с конем, отнесены ко времени ранее VIII в. до н. э. (Сорокин, 1966: 45). Эту датировку пока никто не оспаривает.

Майемерские находки из Казахского Алтая (Катонкарагайский район ВКО) активно используются исследователями в различных культурно-хронологических и исторических реконструкциях (Омаров, 2012: 122-126). В 1936 г., затем в 1947 г. М.П. Грязновым при периодизации истории кочевого скотоводства был выделен как наиболее ранний майемирский этап (Грязнов, 1947: 9-10, рис. 3-6) на основе типологической классификации предметов конского снаряжения и зеркал с бортиками, происходивших из могильника Майемир (Майемер), и других категорий случайных находок, в частности, из Солонечного Белка, расположенного неподалеку от указанного памятника. Отсутствие керамической посуды и изделий из железа, а также близость форм некоторых бронзовых изделий к карасукским он считал отличительной чертой майемирского этапа (Грязнов, 1947: 10, 14).

А.А. Тишкиным предпринята попытка выделить синхронную майемирской – бийкенскую культуру раннескифской эпохи для Центрального и Юго-Восточного Алтая (Тишкин, 2003: 164-166). Этот факт признается некоторыми исследователями. При этом ареал «майемирской» культуры им очерчен в пределах Западного, Северо-Западного Алтая и Приалтайской равнины (Тишкин, 2003: 164-166; 2011: 80).

Изучение одного кургана Майемера, начатого мною еще в 1968 г. вместе с А.А. Чариковым, продолжено в 2009 г. Его погребальная камера имела прямоугольную в плане форму и, как и у многих раннесакских элитных курганов, возведена из камня и дерева на древнем горизонте, в центре внешней каменной ограды. Эта ограда одновременно выполняла функцию внешней крепиды. С восточной стороны к камере примыкал традиционный для того времени узкий, но глубокий (более 1 м у стенки) дромос. Погребальная камера с учетом внешней «обшивки» имела

скорее трапецевидную форму, которая, в свою очередь, предопределила общую конфигурацию самого кургана как усеченной пирамиды. Вокруг погребальной камеры возводилось довольно сложное многослойное наземное сооружение из разных материалов: камня, лесса, супеси, дерна, комков глины и грунта, глиняных заливок по определенной последовательности и системе. В итоге здесь мы можем наблюдать начальный этап сложения новой технологии и приемов возведения погребально-мемориальных сооружений для вождей и представителей кочевой аристократии. Эти памятники затем сохранились на протяжении нескольких веков, вплоть до исчезновения больших «царских» курганов в конце I тыс. до н. э.

Такая же картина в Шиликтинских раннесакских курганах, в Талды II, в Аржане и в других памятниках. Заметим, что именно особенности конструкций и технических приемов возведения наземных и внутримогильных сооружений погребальных памятников, а не вещи, какими бы роскошными они ни были, являются ведущими при их хронологической и этнокультурной атрибуции комплексов. В другом Майемерском кургане, расположенном рядом с описанным, зафиксировано сопроводительное захоронение коня с остатками уздечного набора из бронзы раннесакского времени (VII в. до н. э.).

Особенно ценными оказались материалы одного из «царских» курганов раннесакского времени (VII в. до н. э.) некрополя Шиликты II (курган Байгетобе), исследованного А. Толеубаевым в 2003 г. Несмотря на то, что курган был ограблен, все же удалось обнаружить сотни высокохудожественных изделий из литого золота, служивших украшением парадного облачения верховного владыки, но самое главное – составить наиболее достоверные представления о конструктивных особенностях и архитектуре сложных погребальных сооружений – пирамид степных правителей (Толеубаев, 2011: 30-38; Омаров, 2011: 144-146).

Жетысу. В Жетысу, особенно в его северо-восточной части, которая соприкасалась с Алтайской горной системой, в изучаемый период происходили схожие с восточно-казахстанскими культурно-исторические процессы, получившие отражение в многочисленных памятниках раннего железного века.

К.А. Акишев и А.К. Акишев посвятили специальную работу проблеме формирования раннего этапа сакской культуры Жетысу на основе анализа материалов клада на р. Бижэ (Акишев К.А., Акишев А.К., 1978: 38-63).

Уникален по своему составу и содержанию Жалаулинский клад. В этом комплексе золотых ювелирных вещей находятся разновременные украшения (самые ранние – VII в. до н. э.): бляшки, выполненные в особой художественной манере (олени, архары, пантеры), украшенные зернью; уздечные наборы, поясные бляхи и т. д.

К сакскому времени по параметрам погребальных конструкций относились элитные курганы Бесшатыра, которые имели сложные наземные каменно-земляные сооружения и погребальные камеры из бревен (Акишев, Кушаев, 1963: 80). Три больших кургана Бесшатыра и малые объекты, по мнению К.А. Акишева, датируются V–IV вв. до н. э. (Акишев, 2010: 167-169). Образец с деревянной «волокушей» из кургана № 6 Бесшатыра, которая имеет, по мнению некоторых специалистов, аналогичные врубки, как на Аржане I, при радиоуглеродном анализе дал дату раннесакского времени и находится в промежутке IX–VI вв. до н. э. (Алексеев, Боковенко и др., 2005: 181-182). Однако такая датировка может оказаться не вполне корректной, так как образец с момента раскопок почти полвека хранился в различных условиях в г. Алматы, что не могло не повлиять на естественное состояние материала.

Сарыарка. Тасмолинская культура Центрального Казахстана (шире – Урало-Иртышского междуречья), впервые выделенная для Центрального Казахстана М.К. Кадырбаевым, характеризуется разнообразием погребально-поминальных и иных памятников, а также сопроводительного инвентаря (Кадырбаев, 1966: 303-433). Исследователь выделил два этапа в развитии этой культуры: VII–VI вв. до н. э. и V–III вв. до н. э. К этой культуре относят и загадочные курганы с каменными грядами, относительно которых до сих пор не решены и проблемы ареала, и хронологические рамки существования (Кадырбаев, 1959: 162-203).

Культурная идентификация материалов недавно раскопанных курганов некрополя Талды II в Восточной Сарыарке автором

раскопок А. Бейсеновым как тасмолинская, как нам представляется, может быть пока условной (Бейсенов, 2011: 14-20). По составу находок и территориально Талды II, без сомнения, входит в круг раннесакских памятников типа Шиликты (Байгетобе) и Майемер в Восточном Казахстане и сильно тяготеет к Аржану II в Туве, т. е. в Саяно-Алтайской провинции Центральной Азии. Находки имеют некоторое соответствие с материалами Жалаулинского клада из Жетысу.

Естественно, эти яркие и великолепно исполненные вещи в сочетании с данными по погребально-поминальной обрядности, архитектуре и конструктивным особенностям наземных и внутримогильных сооружений, а также с результатами лабораторно-аналитических исследований станут ценным историческим источником в разработке проблем становления раннесакского культурного комплекса и особенностей этносоциокультурных процессов, которые происходили в Центральной Азии в начале I тыс. до н. э.

Приаралье. Яркая культура племен, населявших бассейн Нижней Сырдарьи в VII–V вв., известных главным образом по раскопкам оригинальной архитектуры и обряда погребения курганов некрополей Тагискена и Уйгарака, давно стала достоянием научного мира (Толстов, 1963: 23-45; Толстов, Итина, 1966: 151-175; Вишневская, 1973). Относительно происхождения культуры и исторической судьбы населения этого региона существуют разные взгляды (Яблонский, 2011: 88-91).

Западный Казахстан. В савроматских курганах могильников Бесоба, Нагорненский, Сынтас в верховьях р. Илек на территории Актюбинской области, исследованных в середине 70-х гг. прошлого века М.К. Кадырбаевым, были найдены великолепные образцы произведений изобразительного искусства кочевников, украшавшие конское снаряжение и оружие, а также культовые предметы (каменные жертвенники с зооморфными ножками) и другие изделия (Кадырбаев, 1984: 84-93). К VI–II вв. до н. э. относятся несколько памятников, исследованных в последние годы на западе казахских степей – Кырыкоба I, II, Лебедевка, Илекшар, Сапибулак, Иманкара и другие, которые значительно обогатили наши представления о религии и мировоззрении кочевых народов. Особый

интерес представляют художественные изделия из бронзы от конского снаряжения и очень тонкой работы женские украшения, различные каменные «жертвенники» с изображениями волка, хищных птиц и других анималистических образов, которые отображали мировоззрение и воинственный динамизм древних кочевников того времени.

Проиллюстрируем развитый период несколькими примерами.

Большой земляной курган, раскопанный нами на могильнике Улжан II в черте г. Алматы, первоначально представлял собой четырехугольную пирамиду на глиняной платформе с усеченным верхом и в галечной «рубашке». Это достаточно сложное сооружение, возведенное чередующимися слоями рыхлого и плотного суглинка, которые укреплялись уплотнителями – глиняными окатышами, дерновыми кладками, глиняными заливками и кусками самана. Структуры слоев бывают различными и отделяются друг от друга панцирными камнями. На центральном участке наземного сооружения кургана, вокруг погребальной камеры, фиксировались остатки пахсовой ограды. Непосредственно над прямоугольной погребальной камерой возведен путем заливки из жидкой глины идеально круглый в плане конусовидный «колпак-купол», плотно покрытый речными камнями. Такая камера со сферической кровлей может олицетворять «жилище инобытия», созданное по образцу реального шатрового сооружения.

Наиболее ярким памятником, характеризующим особенности данного периода, является курган Иссык. Под одним из курганов некрополя Иссык был погребен «царственный» юноша в полном парадном облачении, костюм которого состоял из кожаного кафтана, полностью украшенного золотыми пластинами, подпоясанного поясом с массивными накладными бляхами, богато декорированного головного убора – кулаха, кожаных сапог, меча и кинжала, ножны которого имеют накладные пластины с изображением лошади и лося. Шею украшала гривна, левое ухо – серьга с бирюзовой подвеской, а пальцы правой руки – два перстня, причем один из них с изображением солнцеподобного божества. Вместе с покойным, согласно ритуалу, положили нагайку с обернутой золотом рукоятью (один

из символов управления и власти), глиняные сосуды, металлические чаши, причем одна из них серебряная с надписями, и множество других вещей.

Примечателен головной убор сакского вождя. Все зооморфные символы и знаки на костюме вождя организованы в сложные смысловые композиции, как полагают, они отражали религиозно-мифологические представления сакских племен, живших на территории древнего Казахстана в конце IV – начале III в. до н. э. и олицетворяли структуру мифологического пространства Вселенной в вертикальной и горизонтальной проекциях (Акишев, 1984).

Берелские курганы Казахского Алтая, синхронные Иссыкским, принадлежат к высшей элите близкородственных жетысуским кочевым племенам (Самашев, 2011).

С конца III в. до н. э. начинается новая эпоха в центральноазиатских степях, условно названная в свое время С.В. Киселевым как гунно-сарматская. В значительной степени меняются погребальный обряд и материальная культура населения региона, хотя отдельные элементы скифской эпохи фиксируются на тех или иных памятниках. Пока трудно определить масштабы последствий нашествия хунну, влияние на трансформацию культуры алтайских народов, но, возможно, местное население какое-то время пыталось сохранить древние сакские традиции в разных областях. Однако высокоразвитое, реалистическое по форме и мифологическое по содержанию искусство древних кочевников, особенно носителей пазырыкской культуры, во всем своем ареале было утрачено.

Культура сарматов, живших в просторах казахских степей до продвижения их основной массы за Урал и Поволжья, представлена находками из Лебедевки (Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006; Мошкова, 2009: 99-113), Дыкылтаса, Аралтобе и других памятников, исследованных в западной части территории Казахстана. Они широко известны благодаря научным публикациям, но обратим внимание на малоизученный тип памятников сарматов – на храмы-святилища Устюрта и Манкыстау, которые только в последние годы стали объектами специальных исследований.

К настоящему времени полностью исследованы два сарматских храма на Устюрте –

Байте III и Кызылуйк (Ольховский, Самашев, 2000: 376-377; Самашев, Онгар, Оралбай, Кыясбек, 2011).

Это время наивысшего расцвета культуры сарматов Арало-Каспийского региона и повышения их военно-политической активности. Предварительно можно выделить два центра этнополитических объединений сарматов в пространстве Арало-Каспийского междуморья, обозначенных грандиозными храмами-святилищами с изваяниями вооруженных воинов типа Байте на юге и Кызылуйке на севере чинков Устюрта. Это пространство поистине явилось Герросом древних сарматов.

В низовьях Сырдарьи, особенно в дельте, также существовал локальный очаг культуры «сарматоидов», где тоже фиксируются функционально близкие к устюртским развалины храмов, но сложенные из сырцового кирпичика или пахсы.

Возведение храмов-святилищ было характерно и для сарматских племен, живших севернее Арало-Каспийского региона, например, в лесостепной зоне Приишимья Байкара I, относящихся в целом к V-IV вв. до н. э. и квалифицированных авторами раскопок как святилище.

Особо дискуссионной является сейчас наименее разработанная в археологии Казахстана сармато-кангуйская проблематика (Подушкин, 2000; см. также: Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005: 149-167).

Принято считать, что в конце II тыс. до н. э. в основном завершается переход многих народов значительной части Великого пояса евразийских степей к гибкой, адаптированной к соответствующей экологической среде системе хозяйственной деятельности, суть которой определяется в науке понятием «кочевое скотоводство». При определении сущности данного понятия необходимо учитывать некоторые положения, ранее высказанные различными учеными. С.С. Черников в свое время выделил семь характерных признаков кочевого скотоводства, некоторые из них еще актуальны для дальнейшей разработки, а иные явно устарели (Черников, 1965: 69-76).

Экономическую основу предшествующего бронзового века также составляло скотоводство, однако оно имело преимущественно пастушеский характер.

Одной из важнейших причин перехода к новой форме хозяйственной деятельности – поистине глобального общественно-экономического феномена, как полагают, явилось глобальное изменение климатической ситуации, затронувшее большую часть Евразийского континента. Возможно, это так.

Переход к кочевым формам ведения хозяйства (разумеется, этот процесс был не одномоментным и протекал неодинаково в разных историко-культурных и природно-климатических зонах) явился причиной целого ряда важных перемен не только в производственной, но и в культурной, социальной, идеологической и в других сферах жизни кочевников.

В «Хингано-Карпатском прямоугольнике степей» волны миграции различных этнокультурных массивов происходили в основном в широтном направлении, поскольку степные пространства были ограничены с севера таежными и лесными массивами, а с юга – горными хребтами и пустынями. Некоторое исключение составляли два обширных плато – Устюрт и Манкыстау в пространстве между Каспийским и Аральским морями, обусловленное относительной замкнутостью и труднодоступностью этого региона и в эпоху раннего железа. Указанный Арало-Каспийский регион представлял собой своеобразный природный «мост», соединявший степи Заволжья, Южного Приуралья и север казахских степей с районами древних цивилизаций на территории современного Туркменистана и Восточного Ирана.

Широкие контакты степных народов в собственном ареале и особенно с инокультурными соседями приводили к значительной унификации материальной культуры различных племен, обитавших на огромных пространствах Евразийского степного пояса.

Освоение коня как средство верховой езды и создание оптимальных типов узды для управления, появление модифицированных видов оружия дистанционного и ближнего боя, защитных средств, воинских снаряжений являлось важнейшей характеристикой изучаемой эпохи, особенно на начальном этапе ее развития.

Меняется облик многих культур: создаются удобные, легко переносимые жилища, утварь,

меняется одежда. Эти элементы достаточно быстро распространились в степных культурах от Урала до Ордоса, образуя своеобразный «культурный горизонт», генетически связанный с предшествующими подвижными культурами эпохи бронзы, где уже существовали навыки управления запряженным в боевую колесницу конем.

Новая система хозяйственной деятельности стимулировала социальное расслоение и развитие структуры власти. Поэтому в степной зоне появляются многочисленные синхронные культуры «скифо-сакско-савроматского» облика, ранние этапы развития которых фиксируются, например, в Центральной Азии, по археологическим данным, как полагают некоторые исследователи, уже в IX в. до н. э.

Что касается развития экономической составляющей общества, то в рассматриваемый период происходил интенсивный процесс развития и интеграции трех культурных блоков – скотоводческого, земледельческого и ремесленного. Образовавшаяся разветвленная система организации общества представляла собой, как полагают исследователи, своеобразную степную цивилизацию I тыс. до н. э. (Мартинов, 1989).

Поселения и города ранних кочевников. Подчеркнем условность понятия «кочевническая культура», поскольку в природе кочевая форма хозяйства не может существовать в чистом виде, без взаимодействия с иными хозяйственно-культурными типами (равно как и последние без прямого или опосредованного влияния со стороны кочевнических структур). Об этом говорили и раньше.

Поселения, зимовки и жилища ранних кочевников как хозяйственные и строительные сооружения возникали на базе опыта функционировавших в бронзовом веке жилищно-хозяйственных комплексов, которые были возведены с учетом природно-экологических особенностей конкретного региона или микрорайона, поэтому они во многих случаях приурочены к местам расположения жилищных комплексов предшествующей эпохи.

Наличие оседлых скотоводческо-земледельческих групп в кочевнических обществах Алтая еще на майэмирском этапе указывал в свое время М.П. Грязнов на основе анализа материалов Большеберенского,

Быстрицкого поселенческих комплексов региона.

Результаты исследований поселений в последние годы на Алтае также дают обнадеживающие прогнозы по изучению оседлой культуры в регионе в разные периоды раннего железного века (Папин, Шамшин, 1998: 85-109).

Кардинальные изменения и сдвиги в общественно-хозяйственной жизни кочевников способствовали, в свою очередь, сложению новых религиозно-культурных систем и иных норм погребально-поминальной обрядности.

Естественно, на огромной территории от Алтая до Каспия не приходится говорить о единой системе религиозно-культурных представлений у кочевнических народов, существовавших на всем протяжении этой исторической эпохи: они различались этнографическими признаками культуры и мировоззрения при существовании близкой основы, вызванной сходными хозяйственно-культурными типами и образом жизни. Поэтому на основе анализа конкретных источников (археологических памятников и культур) необходимо выделить общие и специфические черты проявления мировоззрения и верований у народов по культурно-хронологическим горизонтам, а также установить возможные направления импульсов идеологического характера.

Из числа археологических источников наибольший объем информации для изучения вопросов мировоззрения и религии, а также изобразительной деятельности того или иного населения изучаемой эпохи все еще получают от раскопок различных курганов. Кроме материалов для изучения погребально-поминальной обрядности и этносоциокультурной дифференциации в обществе данные виды археологических памятников дают великолепные образцы декоративно-прикладного искусства.

Вопрос о том, какие именно племена населяли казахские степи в различные периоды описываемой эпохи, очень сложен, и его комплексное решение во многом зависит от объема накопленного фактического материала, а также от степени участия специалистов из разных областей знаний науки.

Существуют различные варианты этнической атрибуции памятников раннего

железного века казахских степей, основанные на упоминаниях в письменных источниках о древних народах региона и в первую очередь о сакских племенах.

В изучаемую эпоху на авансцене истории появляется всадник, чей героизированный образ воспевается в устных эпических произведениях и в изобразительном искусстве (Грязнов, 1961: 7-31); возникает институт вождества, формируются новая военно-жреческая аристократия и различные другие социальные прослойки кочевнических обществ.

Сложный процесс политогенеза – становления вертикали власти от рядового вождества через военную демократию и супервождества до формирования потестарно-политической системы (Куббель, 1988) во главе с единовластным царем был длительным и шел параллельно с образованием племенных союзов, конфедераций и государственных образований.

Таким образом, совокупность имеющихся на сегодняшний день материалов показывает, что в I тыс. до н. э. в казахских степях существовала целая «свита» культуры «ранних кочевников» с развитой стратификацией общества, базовую экономическую отрасль которого составляло прогрессивное для определенного отрезка исторического времени кочевое скотоводство. Этот новый хозяйственно-культурный тип в условиях формирования мобильного образа жизни оказался наиболее адаптированным к существующей природно-экологической нише и поэтому надолго (вплоть до изобретения огнестрельного оружия) сохранил свое преимущественное положение в степном пространстве.

Вполне возможно, что именно в степях и полосе гор Казахстана могло

происходить формирование раннесакского (раннекочевнического) культурного комплекса евразийских кочевых народов, во всяком случае, здесь находились мощные его центры, откуда распространялись новые идеи и технологические достижения (оружие, конское снаряжение, декоративно-прикладное искусство и др.), которые совершенствовались, видоизменялись и развивались в соседних регионах.

Естественно, такой переход не мог быть одномоментным, поэтому нужно допускать период длительного сосуществования различных хозяйственных укладов и культурных традиций, а также консервативных религиозно-идеологических представлений и норм, связанных в первую очередь с погребально-поминальной обрядностью, включая практику возведения прежних типов сооружений для умерших представителей различных слоев социума.

На степных просторах создавались различные сообщества – племенные союзы, которые также консолидировались сначала в конфедерации, затем создавались различные типы кочевых государственных образований, которые кроме решения сложных внутриполитических и экономических задач совершали далекие завоевательные походы или выдерживали внешние натиски.

Яркие археологические открытия последних лет в совокупности с ранее известными демонстрируют разнообразие культурного феномена высшей элиты древних кочевников; показывают перспективность разработки нерешенных проблем хронологии, типологии, классификации и интерпретации. Они позволяют определить конкретный вклад «скифо-сакских» народов пояса степи в мировую культуру.

Литература

1. Боковенко Н.А. К проблеме локализации племени Сака: археологический взгляд // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганда, 2011. – С. 92-95.
2. Черников С.С. О термине «ранние кочевники». – Вып. 80. – КСИИМК, 1960. – С. 17-21.
3. Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». – М.: Наука, 1972. – 270 с.
4. Яблонский Л.Т. Культурно-хронологический горизонт Южно-Уральской культурно-исторической области в эпоху формирования раннесарматской культуры // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал // Материалы международной научной конференции. – Уральск, 2012. – С. 370-392.
5. Папин Д.В. Проблема сложения археологических культур в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку на Верхней Оби // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. науч. трудов. – Барнаул, 2003. – С. 341-343.
6. Акишев К.А. Саки Семиречья (по материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Т. 7. – Алма-Ата, 1959. – С. 204-214.
7. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
8. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака: Труды ХАЭЭ. – Т. 8. – М.: Наука, 1973. – 160 с.
9. Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 77-83; Алехин Ю.П. Восточный Казахстан и Рудный Алтай в раннескифское время // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганда, 2011. – С. 83-87.
10. Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // В глубь веков. – Алма-Ата, 1974. – С. 46-61.
11. Грязнов М.П. Аржан. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
12. Ермолаева А.С. Погребально-поминальные комплексы первой половины I тыс. до н.э. на Измайловском могильнике из Восточного Казахстана и проблема трансформации культурных традиций // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 310-337.
13. Ермолаева А.С. Измайловский погребально-поминальный комплекс начала эпохи ранних кочевников из Восточного Казахстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2008. – №1. – С. 83-100.
14. Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып. 8. – Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне. – М.–Л., 1966. – С. 39-60.
15. Омаров Ғ.Қ. Шығыс Қазақстанның ерте сақ дәуірі (Майемер мәдениеті материалдары негізінде) // Материалы республиканской научно-практической конференции «IV Оразбаевские чтения» на тему «Проблемы и достижения отечественной археологии и этнологии в XXI столетии», приуроченной к 90-летию А.М. Оразбаева. 26-27 апреля 2012. – Алматы, 2012. – 122-126 б.
16. Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников (Доклад в секторе бронзы и раннего железа ИИМК 05.07.1945) // КСИИМК. Вып. 18. – Л., 1947. – С. 9-17.
17. Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – Кн. II. – СПб., 2003. – С. 164-166.
18. Тишкин А.А. Этнокультурная ситуация на территории Алтае-Саянской горной страны и некоторых сопредельных регионов в Аржано-Майэмирское время // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганды, 2011. – С. 78-82.
19. Толеубаев А.Т. Некоторые результаты исследований и исторических реконструкций группы ученых КазНУ им. Аль-Фараби по изучению эпохи бронзы и раннего железного

МӘДЕНИ МҰРА

века Казахстана // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. – Т. 2. – Алматы, 2011. – С. 23-39; Омаров Г.К. К изучению раннего железного века Восточного Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганды, 2011. – С. 144-146.

20. Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. – С. 38-63.

21. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Наука, 1963. – 297 с.

22. Акишев К.А. Семиречье и Южный Казахстан в эпоху раннего железа // История Казахстана. – Т. 1. – Алматы, 2010. – С. 166-175.

23. Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцев Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Ван дер Плихт Й., Поснерт Г., Семенцев А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.

24. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.

25. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. – Т. 7. – Алма-Ата, 1959. – С. 162-203.

26. Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганды, 2011. – С. 14-20.

27. Толстов С.П. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. – 1963. – № 2. – С. 23-45; Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // СА, 1966. – С. 151-175; Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. по материалам Уйгарака: Труды ХАЭЭ. – Т. 8. – М.: Наука, 1973. – 160 с.

28. Яблонский Л.Т. Культурно-хронологический горизонт Южно-Уральской культурно-исторической области в эпоху формирования раннесарматской культуры //

Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал // Материалы международной научной конференции. – Уральск, 2012. – С. 370-392.

29. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 84-93.

30. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 176 с.

31. Самашев З. Берел. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 с.

32. Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI-II вв. до н.э.). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 2006. – 159 с.; Мошкова М.Г. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса раскопки Г.И. Багрикова // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. – СПб., 2009. – С. 99-113.

33. Ольховский В.С., Самашев З.С. Завершение исследований святилища Байте III в Западном Казахстане // Археологические открытия-1998. – М., 2000. – С. 376-377; Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г. Храм-святилище Кызылуик. – Астана: ТОО «Археология», 2011. – 160 с.

34. Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – 6 в. н.э. – Туркестан: Изд. Центр МКТУ им. Х.А. Яссави, 2000. – С. 203; Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. – Алматы: Баур, 2005. – 201 с.

35. Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.: Наука, 1965. – 188 с.

36. Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989. – С. 284-292.

37. Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Приобье // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 85-109.

38. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. – Вып. 3. – 1961. – С. 7-31.

39. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988. – 271 с.

References

1. Bokovenko N.A. K probleme lokalizatsii plemeni Saka: arheologicheski vzgläd // Sakskaia kültura Saryarki v kontekste izucheniya etnososiokülturnykh prosesov stepnoi Evrazii. – Karaganda, 2011. – S. 92-95.
2. Chernikov S.S. O termine «rannie kochevniki». – Vyp. 80. – KSİİMK, 1960. – S. 17-21.
3. Litvinski B.A. Drevnie kochevniki «kryši mira». – M.: Nauka, 1972. – 270 s.
4. İablonski L.T. Külturño-hronologicheski gorizont İujno-Urälskoi külturño-istoricheskoi oblasti v epohu formirovaniya ranesarmatskoi kültury // Srednevekovaia gorodskaa kültura i kochevaia sivilizatsia baseina reki Ural // Materialy mejdunarodnoi nauchnoi konferensii. – Urälsk, 2012. – S. 370-392.
5. Papin D.V. Problema slojenia arheologicheskikh kültur v perehodnoe vremä ot epohi bronzy k rannemu jeleznomu veku na Verhnei Obi // İstoricheski opyt hozäistvennogo i külturñogo osvoenia Zapadnoi Sibiri: Sb. nauch. trudov. – Barnaul, 2003. – S. 341-343.
6. Akişev K.A. Saki Semirechä (po materialam İliskoi ekspeditsii 1954, 1957 gg.) // Trudy İnstituta istorii, arheologii i etnografii AN KazSSR. – T. 7. – Alma-Ata, 1959. – S. 204-214.
7. Grach A.D. Drevnie kochevniki v sentre Azii. – M.: Nauka, 1980. – 256 s.
8. Vişnevskaa O.A. Kültura saksikh plemen nizovev Syrdari v VII-V vv. do n.e. po materialam Uigaraka: Trudy HAE. – T. 8. – M.: Nauka, 1973. – 160 s.
9. Arslanova F.H. Novye materialy VII-VI vv. do n.e. iz Vostochnogo Kazahstana // Bronzovyi i jeleznyi vek Sibiri. – Novosibirsk, 1974. – S. 77-83; Alehin İu.P. Vostochnyi Kazahstan i Rudnyi Altai v raneskifskoe vremä // Sakskaia kültura Saryarki v kontekste izucheniya etnososiokülturnykh prosesov stepnoi Evrazii. – Karaganda, 2011. – S. 83-87.
10. Arslanova F.H. Pogrebälñyi kompleks VIII-VII vekov do našei ery iz Vostochnogo Kazahstana // V glüb vekov. – Alma-Ata, 1974. – S. 46-61.
11. Gräznov M.P. Arjan. – L.: Nauka, 1980. – 62 s.
12. Ermolaeva A.S. Pogrebälno-pominälñye kompleksey pervoi poloviny I tys. do n.e. na İzmailovskom mogilñike iz Vostochnogo Kazahstana i problema transformatsii külturñykh traditsii // Nomady kazahskikh stepiei: etnososiokülturñye prosesy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoi epohi. – Astana, 2008. – S. 310-337.
13. Ermolaeva A.S. İzmailovski pogrebälno-pominälñoi kompleks nachala epohi rannikh kochevnikov iz Vostochnogo Kazahstana // İzvestia NAN RK. Ser. obşestv. nauk. – 2008. – №1. – S. 83-100.
14. Sorokin S.S. Pamätñiki rannikh kochevnikov v verhöväh Buhtarmy // Arheologicheski sbornik Gosudarstvennogo Ermitaja. – Vyp. 8. – Epoha bronzy i rannego jeleza. Slaväne. – M.–L., 1966. – S. 39-60.
15. Omarov Ğ.Q. Şyğys Qazaqstannyñ erte saq дәuiri (Maiemer mädenieti materialdary negizinde) // Materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferensii «IV Orazbaevskie chteniya» na temu «Problemy i dostijeniya otechestvennoi arheologii i etnologii v XXI stoletii», priurochennoi k 90-letiu A.M. Orazbaeva. 26-27 apreä 2012. – Almaty, 2012. – 122-126 b.
16. Gräznov M.P. Pamätñiki maiemirskogo etapa epohi rannikh kochevnikov (Doklad v sektore bronzy i rannego jeleza İİMK 05.07.1945) // KSİİMK. Vyp. 18. – L., 1947. – S. 9-17.
17. Tişkin A.A. O sootnoşenii bikenskoi i maiemirskoi arheologicheskikh kültur Altaia raneskifskogo vremeni // Stepı Evrazii v drevnosti i srednevekove. K 100-letiu so dnä rojdenia M.P. Gräznova. – Kn. II. – SPb., 2003. – S. 164-166.
18. Tişkin A.A. Etnokülturñaa situatsia na teritorii Altae-Saianskoi gornoi strany i nekotorykh sopredelnykh regionov v Arjano-Maiemirskoe vremä // Sakskaia kültura Saryarki v kontekste izucheniya etnososiokülturnykh prosesov stepnoi Evrazii. – Karagandy, 2011. – S. 78-82.
19. Toleubaev A.T. Nekotorye rezülaty issledovani i istoricheskikh rekonstruksi gruppy uchenykh KazNU im. Äl-Farabi po izucheniu epohi bronzy i rannego jelezñogo veka Kazahstana // Arheologia Kazahstana v epohu nezavisimosti: itogi, perspektivy. – T. 2. – Almaty, 2011. – S. 23-39; Omarov G.K. K izucheniu rannego jelezñogo veka Vostochnogo Kazahstana // Sakskaia kültura Saryarki v kontekste izucheniya etnososiokülturnykh prosesov stepnoi Evrazii. – Karagandy, 2011. – S. 144-146.
20. Akişev K.A., Akişev A.K. Problema hronologii rannego etapa sakskoi kültury // Arheologicheskie pamätñiki Kazahstana. – Alma-Ata, 1978. – S. 38-63.

21. Akişev K.A., Kuşayev G.A. Drevnāia kŭltura sakov i usunei doliny reki İli. – Alma-Ata: Nauka, 1963. – 297 s.
22. Akişev K.A. Semireche i İujnyi Kazahstan v epohu rannego jeleza // İstoria Kazahstana. – T. 1. – Almaty, 2010. – S. 166-175.
23. Alekseev A.İ., Bokovenko N.A., Vasilev S.S., Dergachev V.A., Zaisev G.İ., Kovalüh N.N., Kuk G., Van der Pliht İ., Possnert G., Semensev A.A., Skot E.M., Chugunov K.V. Evrazia v skifskuiu epohu. Radiouglerodnaia i arheologicheskaia hronologia. – SPb.: Teza, 2005. – 290 s.
24. Kadyrbaev M.K. Pamätniki tasmolinskoi kŭltury // A.H. Margulan, K.A. Akişev, M.K. Kadyrbaev, A.M. Orazbaev. Drevnāia kŭltura Sentrālnoĝo Kazahstana. – Alma-Ata: Nauka, 1966. – 436 s.
25. Kadyrbaev M.K. Pamätniki rannih kochevnikov Sentrālnoĝo Kazahstana // Trudy İİAE AN KazSSR. – T. 7. – Alma-Ata, 1959. – S. 162-203.
26. Beisenov A.Z. Taldy-2 i pamätniki ranesakskogo vremeni stepnoi Evrazii // Sakskaia kŭltura Saryarki v kontekste izučenia etnososiokŭlturnyh prosesov stepnoi Evrazii. – Karagandy, 2011. – S. 14-20.
27. Tolstov S.P. Sredneaziatskie skify v svete novejših arheologičeskikh otkryti // VDİ. – 1963. – № 2. – S. 23-45; Tolstov S.P., İtina M.A. Saki nizovev Syrdari (po materialam Tagiskena) // SA, 1966. – S. 151-175; Vişnevskaja O.A. Kŭltura sakskih plemen nizovev Syrdari v VII-V vv. do n.e. po materialam Uigaraka: Trudy HAEE. – T. 8. – M.: Nauka, 1973. – 160 s.
28. İablonski L.T. Kŭlturno-hronologičeski gorizont İujno-Urālskoi kŭlturno-istoričeskoj oblasti v epohu formirovania ranesarmatskoj kŭltury // Srednevekovaia gorodskaja kŭltura i kochevaia sivilizasia baseina reki Ural // Materialy mejdunarodnoi nauchnoi konferensii. – Urāl'sk, 2012. – S. 370-392.
29. Kadyrbaev M.K. Kurgannye nekropoli verhovev r. İlek // Drevnosti Evrazii v skifosarmatskoe vremä. – M., 1984. – S. 84-93.
30. Akişev A.K. İskustvo i mifologia sakov. – Alma-Ata: Nauka, 1984. – 176 s.
31. Samaşev Z. Berel. – Almaty: Taimas, 2011. – 236 s.
32. Jelezchikov B.F., Klepikov V.M., Sergaskov İ.V. Drevnosti Lebedevki (VI-II vv. do n.e.). – M.: İzd-vo vost. lit-ry, 2006. – 159 s.; Moşkova M.G. Jenskoe pogrebenie v kurgane 2 iz Lebedevskogo mogilnogo kompleksa raskopki G.İ. Bagrikova // Guny, goty i sarmaty mejdu Volgoi i Dunaem. – SPb., 2009. – S. 99-113.
33. Ölhovski V.S., Samaşev Z.S. Zaverşenie issledovani svätılışa Baite III v Zapadnom Kazahstane // Arheologičeskie otkrytia-1998. – M., 2000. – S. 376-377; Samaşev Z., Ongar A., Oralbai E., Kiasbek G. Hram-svätılışe Kyzyluik. – Astana: TOO «Arheologia», 2011. – 160 s.
34. Poduşkin A.N. Arysskaia kŭltura İujnogo Kazahstana IV v. do n.e. – 6 v. N.e. – Turkestan: İzd. Sentr MKTU im. H.A. İassavi, 2000. – S. 203; Baipakov K.M., Smagulov E.A., Erjigitova A.A. Ranesrednevekove nekrepoli İujnogo Kazahstana. – Almaty: Baur, 2005. – 201 s.
35. Chernikov S.S. Zagadka zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilös «skifskoe iskustvo». – M.: Nauka, 1965. – 188 s.
36. Martynov A.İ. O stepnoi skotovodčeskoj sivilizasii I tys. do n.e. // Vzaimodeistvie kochevyh kŭltur i drevnih sivilizasi. – Alma-Ata, 1989. – C. 284-292.
37. Papin D.V., Şamşin A.B. Poselenia perehodnogo vremeni ot epohi bronzy k jeleznomu veku v lesostepnom Priobe // Drevnie poselenia Altaia. – Barnaul, 1998. – S. 85-109.
38. Gräznov M.P. Drevnejšie pamätniki geroičeskogo eposa narodov İujnoi Sibiri // ASGE. – Vyp. 3. – 1961. – S. 7-31.
39. Kubbel L.E. Očerki potestarnopolitičeskoj etnografii. – M.: Nauka, 1988. – 271 s.

Самашев З.С.

ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАННЫҢ АРХЕОЛОГИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Мақалада ерте көшпелілер дәуірінің бастапқы және соңғы кезеңінің хронологиялық жүйесі, зерттеліп отырған дәуір халқының антропологиялық құрамы мен түркітілдес бөлігінің мәселелері, сонымен қатар археологиялық зерттеулердің әдіснамалық мәселелері қарастырылған. Автор аталған тақырыпқа тікелей қатысы бар бірқатар мәселелерді арнайы сөз етеді.

Өңгіме өзегі қазақ даласындағы ерте темір дәуірі мәдениеттерінің қалыптасуы мен өзгеруі, зерттеліп отырған тақырып бойынша материалдарды талдау, еліміздің әр өңірінде із қалдырған ерте көшпелілер дәуірінің бастапқы кезеңінің ескерткіштерін талдау және жүйелеу болып табылады.

Түйін сөздер: археология, темір дәуірі, Қазақстан, ескерткіш, археологиялық кешен.

Samashev Z.S.

ISSUES OF THE EARLY IRON AGE ARCHEOLOGY OF KAZAKHSTAN

The article considers the issues of chronological uncertainty of the initial stage and the final stage of the era of early nomads, the problems of the anthropological composition and the Turkic-speaking part of the population of the studied era, as well as questions of the methodology of archaeological research. The author dwells on the designation of some problems that affect the listed issues.

The focus of the narrative is the formation and transformation of the cultures of the Early Iron Age in the Kazakh steppes, the analysis of materials on the topic under study, the analysis and synchronization of the sites of the initial stage of the era of the early nomads, originating from different regions of the country.

Keywords: archeology, Iron Age, Kazakhstan, site, archaeological complex.